

Olga Anchimiuk, Vladimir Zaika

Uniwersytet w Białymstoku

**ОПИСАНИЕ ЧУДА ЯВЛЕНИЯ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ СВЯТОМУ
АЛЕКСАНДРУ СВИРСКОМУ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕТЫРЕХ ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТОВ)**

SUMMARY

**Revelation of The Trinity to St Alexander Svirsky – miracle description
(from materials of the four hagiographic texts)**

The significant differences in content, composition and word design in description of The Trinity revelation to St Alexander Svirsky can be established, firstly, according to the *role*, which the hagiographer was ascribing to the particular fact from the life of The Saint Monk, secondly, according to the miracles *functions* as a component of the general text of the appropriate hagiography and, thirdly, according to the hagiography *stylistics* as a whole.

Key words: the life of the saint, miracle, text, hagiography, replica

STRESZCZENIE

**Opis cudu objawienia się Świętej Trójcy św. Aleksandrowi Świrskiemu
(na materiale czterech tekstów hagiograficznych)**

Istotne różnice w treści, kompozycji i słownej oprawie cudu dotyczącego objawienia się Świętej Trójcy św. Aleksandrowi Świrskiemu, określić można zarówno na podstawie *roli*, jaką hagiograf przypisywał danemu faktowi z życia Świętego Mnicha, *funkcji* cudu, jako komponentu całego tekstu danego żywota, jak i *stylistyki* tego żywota w całości.

Житие – повествовательный жанр церковной литературы, в котором описывается жизнь и деяния святых. Важнейшим элементом текста жития является описание чуда. В православии чудо понимается как явление сверхъестественное, за пределами известных человеку законов природы, но вызванное волей Божией.

В филологических и лингвистических исследованиях отмечается недостаточная изученность житийной литературы именно в аспекте языкового и композиционного своеобразия житий в целом и описания чудес в частности.

В христианстве чудо – это явление власти Бога, это знаки Бога человеку, знаки божественного присутствия. Смысл чуда – побудить безучастных к вере. Основными чудесами, произошедшими в истории, является описанное в Библии сотворение мира, евангельские чудеса. Все они были архетипичны для последующих чудес. Считается, что в церковной литературе, обращенной к пастве, чудо получает «дополнительный, гораздо более приземленный и доступный обыденному сознанию смысл: столь необходимое чудесное вмешательство в земные дела, помощь в экстремальной ситуации, исцеление, возвращение к жизни умерших, спасение от опасности, освобождение из неволи, предохранение от всяких жизненных невзгод и т.п. Главными посредниками между мирами дольным и горним были святые, и Бог осуществлял свои чудеса через них»¹. Поэтому рассказы о чудесных явлениях часто присутствуют в жизнеописаниях святых.

Причем описание чуда в агиографическом тексте – не просто жанрообразующий элемент. Так называемые прижизненные чудеса – это облигаторный элемент всякого жития, так как «служили в качестве письменного подтверждения дара чудотворения святого, что было необходимым условием его официальной канонизации»².

¹ С. И. Лучицкая, Ю. Е. Арнаутова, *Чудо*, [w:] *Словарь средневековой культуры*, А. Я. Гуревич (red.), Москва 2003; <http://enc-dic.com/medcult/Chudo-4>, [доступ: 15.12.2013].

² И. В. Стародумов, *Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах подвижников и составе древнерусской агиографии*. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук, Омск 2009, s. 171.

Описание чуда (рассказ о чуде) имеет специфические характеристики: смысловые, тематические, изобразительные, отличающие и отграничивающие описание чуда от остального агиографического текста. Наличие этих признаков, делающих его относительно самостоятельным в пределах текста, связано с тем, что описание чуда может функционировать отдельно, пересказываться, включаться в другие тексты, в тематические сборники чудес, и существовать, как полагает И. В. Стародумов, как отдельный самостоятельный жанр³.

Еще одно свойство описания чуда в пределах основной повествовательной части жития, кроме специфичности и отграниченности, – это его меньшая определенность церковными и литературными канонами⁴.

Рассмотрим описание ситуации чуда явления Пресвятой Троицы преподобному Александру Свирскому в отдельно взятых житиях святого: 1. «Житие преподобного и богоносного отца нашего Александра Свирского Чудотворца, составленное учеником его игуменом Иродионом»⁵ (Сокращенно – ИИ). 2. «Память преподобного отца нашего Александра Свирского» 30 августа в «Четьях Минеях» св. Димитрия Ростовского⁶ (ДР). 3. «Александр Свирский, преподобный – прославление» 17 апреля из «Житий русских святых» (март-май)⁷ Сергея Ивановича Смирнова⁸ (СС). 4. «Краткое житие преподобного Александра Свирского чудотворца, составил монах Афанасий. 1905 г. Июля 12 дня» Александро-Свирский монастырь Олонецкой губернии⁹ (МА).

Жития существенно отличаются друг от друга и в стилистическом, и в содержательном отношении, но все они относятся к житиям-биос (описывается вся жизнь подвижника). По классификации В. В. Кускова, основанием которой является тип подвижника, главного героя жития, – эти жития можно отнести к типу «преподобнических» житий об основателях

³ Там же, s. 15.

⁴ Там же.

⁵ Текст Жития публикуется по изданию: *Житие и чудеса преподобного Александра Свирского*, Санкт-Петербург 1905.

⁶ *Жития святых*. [Электронный ресурс], <http://predanie.ru/lib/book/read/140855/#toc864>, [вход: 17.12.2013].

⁷ Там же.

⁸ Сергей Иванович Смирнов (1870–1916) – русский историк Церкви, ученик Голубинского и Ключевского. Ординарный профессор по кафедре Истории Русской Церкви. Главные труды посвящены покаянной дисциплины, фигуре духовного отца (в историческом ключе), истории Русской Церкви.

⁹ Краткое житие преподобного Александра Свирского чудотворца // Свято Троицкий Александр Свирского мужской монастырь [электронный ресурс], <http://www.svirskoe.ru/ru/alsvirsky/habitation/index.php>, [вход: 15.12.2013].

монастырей, простых иноках, посвятивших жизнь служению Богу и воспитывавших на своем примере монастырскую братию»¹⁰.

В выборе последовательности рассмотрения текстов мы будем придерживаться хронологического порядка.

1. Ситуация чуда описана в житии (ИИ) в относительно небольшой фрагменте: 384 слова при общем объеме жития – 18 229 слов. Приводим фрагмент полностью.

В 7016 году от сотворения мира, а по пришествии преподобного Александра в пустыню в 23 год, однажды ночью когда преподобный Александр, по обычаю своему, стоял на молитве в отходной пустыне, явившийся внезапно свет сильно осиял ту келию, где он молился. Преподобный с удивлением размышлял про себя: «Что из этого должно быть?» И вот, видит он трех мужей, вошедших к нему, одетых в весьма светлые белые одежды; видом они были благообразны и прекрасны, сияя, светлее солнца, невыразимо славным небесным светом, и каждый из них имел в руке своей посох.

Преподобный, видя их, весь затрепетал, будучи объят страхом и ужасом. И спустя немного времени, придя в себя, поспешил поклониться им до земли. Они же, взявши его за руку, подняли, говоря: «Уповай, блаженне, и не бойся». Преподобный обратился к ним с такими словами: «Господие мои, аще обретох благодать пред вами, поведайте мне, кто есте вы, иже в таковой сущу славе и светлости не преобидесте приити к рабу вашему; ибо николиже видех кого в таковой славе, якоже вас вижду». На что они ему отвечали: «Не бойся, мужу, желаня, яко благоволи Дух Святыи жити в тебе чистоты ради сердца твоего, и якоже глаголах ти древле множицею, и ныне тагожде глаголю, да созиждеша церковь и братию собереша и обитель устроиши, яко благоволих тобою много души спасти и в разум привести».

Услышав это, преподобный опять преклонил колена свои и, обливаясь слезами, говорил: «Господи мой, кто есмь аз грешный, яко всех человек худший, да на толико дело доволен буду, о немже мне глаголах ести. Несмь бо достоин восприяти толикыя службы; ибо аз недостойный не сего ради приидох на место сие, о немже мне повелеваеши, но плакатися грехов своих». Говоря это, преподобный лежал на земле.

Господь же, опять взяв его за руку, поставил на ноги, говоря: «Стани на ногу твою, возмогаи, и укрепися, и сотвори все, еже повелех ти». Преподобный спросил: «Господи мой, не прогневайся на мя, яко дерзнух пред Тобю глаголати: повеждь ми, яко наречется имя церкви сей, юже хочет человеколюбие Твое на месте сем создати?» Господь сказал преподобному: «Возлюбленне, якоже видиши в триех лицах глаголюща с тобою, созижди

¹⁰ Цит. по: И. В. Стародумов, с. 10.

церковь во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единосущные Троицы». Затем опять сказал: «Аз же ти мир Мой оставляю, и мир Мой подам ти». После чего преподобный увидел Господа, распростертыми крыльями, как бы ногами, идущим по земле; и затем Он стал невидим.

Это, самое раннее, житие, составленное игуменом Иродионом, учеником преподобного, получило неоднозначную оценку у исследователей.

Духовный писатель XIX в. И. К. Яхонтов полагал, что труд игумена Иродиона имеет компилятивный характер: «большинство сведений о жизни Александра Свирского, взятые им из книжных источников: из житий Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, написанных Пахомием Сербом, и из принадлежащего Нестору Жития Феодосия Печерского»¹¹, и далее: «чисто исторических сведений о преподобном Александре труд игумена Иродиона дает весьма мало; они совершенно залеплены красками, взятыми у Пахомия Логофета, и в большей части – так прочно, что отделить эту чужую окраску, чтобы приобрести хотя и незначительные, вполне верные, данные об этом подвижнике, – слишком трудно, да и едва ли возможно»¹². В то же время историки В. О. Ключевский и В. С. Иконников дали положительную оценку труду игумена.

Как отметил В. О. Ключевский, источники игумена Иродиона «внушают доверие к его обширному и обильному любопытными подробностями труду»¹³. Историк В. С. Иконников пишет, что произведение игумена Иродиона «принадлежит к лучшим житиям по обилию подробностей и своей обширности»¹⁴.

В свою очередь академик Д. С. Лихачев, отмечая особенности древнерусских произведений, подчеркивает что «было бы неправильно усматривать в литературном этикете русского средневековья только совокупность механически повторяющихся шаблонов и трафаретов... Все дело в том, что все эти словесные формулы, стилистические особенности, определенные повторяющиеся ситуации и т.д. применяются средневековыми писателями вовсе не механически, а именно там, где они требуются»¹⁵.

Это житие много раз переиздавалось, являясь для православных христиан источником сведений о преподобном Александре Свирском, а также послужило источником для создания последующих житий.

¹¹ И. Яхонтов, *Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник*, Казань 1881, с. 49.

¹² Там же, с. 86.

¹³ В. О. Ключевский, *Древнерусские жития святых как исторический источник*, Москва 1871, с. 263.

¹⁴ В. С. Иконников, *Опыт русской историографии*, т. 2, ч. 2, Киев 1908, с. 1724.

¹⁵ Д. С. Лихачёв, *Поэтика древнерусской литературы*, изд. 3, Москва 1979, с. 90.

В первую очередь отметим в житии (ИИ) стилистический контраст речи автора (рассказчика) и речи участников события (Преподобного и Пресвятой Троицы).

Стандартное соотношение между языковыми сферами автора, рассказчика и персонажей в художественной литературе характеризуется обычно так: «Сфера автора – повествование, ориентированное на нормы литературного языка; сфера персонажа – диалог (прямая речь), свободно включающий разговорно-просторечные элементы. Сфера рассказчика располагается в этом диапазоне и может полностью или частично совпадать с одной из указанных выше»¹⁶. Однако в рассматриваемом случае положение совершенно иное. Речь персонажа не только не соотносится с разговорной сферой быденной коммуникации, но стоит в стилистическом отношении выше речи повествующего субъекта она более «книжная», чем речь автора, и ориентируется на более строгие нормы языка старославянского. Причем важно, что диалог персонажей происходит не на ином языке, а на языке именно стилистически более высоком (старославянский язык во времена Александра Свирского в значительно меньшей степени, отличался от разговорного русского, чем ныне отличается от современного русского).

Впрочем, собственно первое включение прямой речи в повествовании о чуде дано на русском языке: *Преподобный с удивлением размышлял про себя: «Что из этого должно быть?»* Переводит диалог в более высокий стилистический регистр первая реплика Троицы: *Они же, взявши его за руку, подняли, говоря: «Уповай, блаженне, и не бойся»*. Ответная реплика пришедшего в себя Александра Свирского дана уже на старославянском: *«Господие мои, аще обретох благодать пред вами, поведайте мне, кто есте вы, иже в таковой сущу славе и светлости не преобидесте приити к рабу вашему; ибо николиже видех кого в таковой славе, якоже вас вижду»*.

Два последующие диалогические единства также даны на старославянском языке, что кроме основной информации диалога поддерживает контраст с авторской речью. В современных работах по анализу словесных текстов указывается, что изображение прямой речи персонажа, осуществляемое специфическими средствами, обеспечивает переход на точку зрения персонажа и выполняет еще одну существенную и обычную для реалистических произведений функцию: дифференцирует язык персонажей¹⁷. Однако в рассматриваемом фрагменте такой дифференциации нет. Некон-

¹⁶ В. В. Одинцов, *Стилистика текста*, Москва 1980, s. 187.

¹⁷ А. И. Горшков, *Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика*, Москва 2006, s. 210.

трастность реплик разных персонажей контрастирует в целом с речью авторской и тем самым агиограф подчеркивает сакральность, божественность происходящего события.

Диалог – это последовательность вопросно-ответных единств. Первая мысль, выраженная на русском (для явившейся Троицы, всеведущего Господа, это, безусловно, реплика) является вопросом, на которую следует ответ, как уже сказано, задающий стилистический режим диалога. Кроме призыва уповать, реплика содержит еще и ответ на имплицитно выраженный страх: *Не бойся*, повторяющийся и в следующей реплике.

Можно заметить, что реплики Троицы в содержательном отношении двухчастны. Они состоят из 1) прескрипции, предписания, указания, что следует делать; это своего рода обращение к разуму Преподобного: *уповай* или далее: *да созиждеша церковь и братию собереши и обитель устроиши*, и 2) утешения, успокоения (обращения к чувствам Преподобного): *Не бойся*. Двухчастность эта, впрочем, не всегда в пределах одной реплики. Если первая реплика содержит вначале прескрипцию, а завершается утешением, то вторая имеет вначале утешение, а затем подробную прескрипцию.

Третья же реплика в ответ на сомнения Преподобного: *Господи мой, кто есмь аз грешный...* является утешением с повтором самого требования: *Стани на ногу твою, возмогай, и укрепися, и сотвори все, еже повелех ти*. А следующая реплика – это только прескрипция: *Возлюбленне, якоже видиши в триех лицах глаголюща с тобою....* Впрочем, здесь уже само обращение *Возлюбленне*, которое существенно отличается от предыдущих (*блаженне, муже* и *безымянного стани*), уже в силу этого отличия является утешением. Интересно, что продолжение реплики после паузы: *Аз же ти мир Мой оставляю, и мир Мой подам ти*» отделено самим агиографом, поскольку имеет обобщающий характер: это уже не столько прескрипция, сколько завещание, являющееся цитатой из Евангелия от Иоанна¹⁸. Использование фрагментов Священного Писания, как считают исследователи, является типичным преподобнических житий¹⁹.

Характеризуя в целом описание чуда, нужно отметить следующее. Начинается описание указанием даты и времени и места: *В 7016 году от сотворения мира, а по пришествии преподобного Александра в пустыню в 23 год, однажды ночью... в отходной пустыне*. Контраст чудесному явлению создает предшествующая обычность занятия: *по обычаю своему, стоял на молитве*.

¹⁸ Ин 14: 27 *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам.*

¹⁹ Т. Б. Карбасова, *Литературная история жития Кирилла Новозерского. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. канд. фил. наук.*, Санкт-Петербург 2007.

Свет, внезапно осиявший келью, является удивительным явлением, давшим повод размышлениям Преподобного и собственно началом чуда. Свет, предшествующий чуду, является проявлением межтекстовых связей. Эта реминисценция отсылает нас к евангельскому *народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет* (Мф. 4, 16), повествованию о пришествии к людям Иисуса Христа.

Нужно заметить, что все подробности увиденного даны с точки зрения Преподобного: *И вот, видит он трех мужей²⁰, вошедших к нему, одетых в весьма светлые, белые одежды; видом они были благообразны и прекрасны, сияя, светлее солнца, невыразимо славным небесным светом, и каждый из них имел в руке своей посох.*

В описании внешности подчеркивается цвет одежды, наличие аксессуаров, благообразии общего вида пришедших. Основной признак, который многократно повторяется, – «светлый», что обеспечено именами *свет, светлые, белые*, глаголами: *осиял, сияя*, наречием в обороте *светлее солнца*. В работе о роли цвета в древнерусской литературе А. М. Панченко отмечает: «...и в эпосе, и в письменности наиболее распространенный цвет – белый... это также относится и переводным памятникам, в разное время вошедшим в славянские литературы... Он несет символическую функцию, уподобляется свету, эпитеты «белый» и «светлый» часто взаимозаменялись... Метафорическое противопоставление света и тьмы, являющееся общим местом в произведениях славянских литератур старшей поры, обусловило и символическое отношение к белому, а также черному цвету»²¹.

Подробное описание завершается упоминанием о посохе, который в руках мужей является знаком высшей пастырской власти²². Состояние страха сменяется поклоном, который прерывают мужи обращаясь к Преподобному.

Далее основной текст описания чуда составляет прямая речь, а также краткие авторские описания изменений положения преподобного относи-

²⁰ При описании иконы «Святая Троица», говорится о трех ангелах. [Электронный ресурс], <http://svyatoi.ucoz.ru/index/troica/0-50>, [вход: 15.12.2013].

²¹ А. М. Панченко, *О цвете в древней литературе восточных и южных славян*, [w:] *Литературные связи древних славян*, Ленинград 1968, s. 9.

²² На иконе Андрея Рублева «Святая Троица», изображении каноническом, одежды не белые, а цветные. Во время пасхального богослужения, во время чтения Евангелия о воскресении Христа, священники облачаются в белые одежды, что символически означает Воскресение. Агиографы и некоторые иконописцы «Явления Святой Троицы Александру Свирскому», торжественность момента подчеркнули цветом одежд. На некоторых иконах «Явление Святой Троицы Александру Свирскому» изображение Святой Троицы каноническое – в цветных одеждах.

тельно собеседника с вводом прямой речи: *опять преклонил колена свои, ...Говоря это, преподобный лежал на земле..., Господь же, опять взяв его за руку, поставил на ноги, говоря, ... обратился к ним с такими словами, ...На что они ему отвечали: ...Преподобный спросил, Господь сказал преподобному... Затем опять сказал.* Можно заметить, что по мере развития диалога в ремарках сведения сокращаются только до ввода прямой речи.

Существенной особенностью описания является изображение последовательных изменений Троицы в глазах Преподобного. Первоначально он видит трех неизвестных ему мужей, затем эти трое выполняют ряд действий, никак субъектное не дифференцированных: *Они же, взявши его за руку, подняли, говоря:* и далее *отвечали*. Ипостаси ничем не отличаются в действии, в том числе и речи. Параллелизм обращений в двух репликах Преподобного *Господие мои, Господи мой* и разница в числе показывает изменение в его представлении о собеседнике.

Весьма существенно, что в авторской речи в единственном числе упоминание о собеседнике Преподобного появляется только после того, как сам Преподобный обратился к одному лицу: *Господи мой, кто есмь аз грешный...*

Явное указание на то, как видит Преподобный собеседника *якоже видиши в трех лицах глаголюща с тобою* дано только в речи Троицы, хотя по речи Преподобного и агиографа разговор ведется с одним лицом. В этом, казалось бы, противоречии неявно выражено осознание преподобным единственности Бога, представшего ему в трех лицах.

В конце беседы святой Александр видит уже другой образ Бога: *После чего преподобный увидел Господа, распростертыми крыльями, как бы ногами, идущим по земле.* Возможно, оборотом *как бы ногами, идущим по земле* агиограф передает попытку осмыслить человеческую природу Бога.

Во всех последующих житиях рассматриваемое нами описание чуда не только значительно короче, но и лишено некоторых содержательных элементов.

2. Второй рассматриваемый нами текст (ДР) самый краткий, так как представляет собой Память – текст, который можно было прочитать в церкви на праздник святого²³. Все житие Александра Свирского написано Дмитрием Ростовским по канонам, соответствующим изображению святых: святой рождается по молитвам родителей, детство проводит в уединении и молитве, далее удаляется в монастырь, где также проявляет крайнее сми-

²³ В. О. Ключевский, *Древнерусские жития...*

рение, за эти добродетели награждается духовными дарами и заканчивается память напутствием братии монастыря перед смертью святого.

Ситуация чуда описана в 25 словах, всего в Памяти – 1372 слова.

Однажды он удостоился **видеть** Самого Бога, явившегося ему в трех Лицах, и **беседовать** с Ним о том, как **создать** церковь, **построить** монастырь и **собрать** братию.

Все чудесные события выражены двумя рядами инфинитивов: первые два, распространяющие глагол удостоился: *видеть* и *беседовать*. А далее – указывающие на предмет беседы: *создать* – *построить* – *собрать*.

Отсутствуют начальное и конечное описания, Дмитрий Ростовский сохранил только способ явления Бога Преподобному.

В одном предложении инфинитивы, которые называют действие без указания на время, на отношении к действительности и к лицу – субъекту действия, обозначают процесс как таковой, и поэтому не могут передать ни проблему узнавания Бога, ни динамику трансформации Его образа. В предельно лаконичном описании нет и сколько-нибудь явного указания на чудесность происходящего. Для агиографа, возможно, важно было максимально сжатое описание события, имеющее конструкцию, удобную для устного восприятия.

3. Житие (СС) имеет объем 1372 слова, такой же как и (ДР), при этом описание чуда более чем в шесть раз объемнее, чем в (ДР) – 181 слово. Являясь историком, агиограф внес в житие святого много дат, что придает житию историческую точность. Однако в описании чуда изменена только дата, приведенная в (ИИ) от сотворения мира, на более привычные для читателя – от Рождества Христова.

В 1508 году, на 23-м году пребывания преподобного в заповеданном месте. Преподобный ночью молился в отходной пустыни. Вдруг воссиял сильный свет, и преподобный увидел вошедших к нему Трех Мужей, облаченных в светлые, белые одежды. Освященные Небесной славой, Они сияли чистой ярче солнца. Каждый из них держал в Своей руке жезл. Преподобный пал в страхе, а, придя в себя, поклонился до земли. Подняв его за руку, Мужья сказали: «Уповай, блаженне, и не бойся». Преподобный получил повеление построить церковь и устроить обитель. Он снова пал на колени, взывая о своем недостойнстве, но Господь восставил его и повелел исполнить указанное. Преподобный спросил, во имя кого должна быть церковь. Господь же сказал: «Возлюбленный, как видишь Говорящего с тобою в Трех Лицах, так и созижди церковь во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единосущной

Троицы. Я оставляю тебе мир и мир Мой подам тебе». И тотчас преподобный Александр увидел Господа с простертыми крылами, словно по земле ходящего, и Он стал невидим.

Поскольку это описание, как и предыдущее, опирается на труд игумена Иродиона, обратим внимание на существенные различия. С. Смирнов не только исключил отдельные фрагменты из описания этого чуда, но в целом устранил саму интригу изложения, обобщающей фразой, предпосланной всему описанию: *ему было явление Живоначальной Троицы*.

В отличие от описания в (ИИ), речь Преподобного только косвенная. Речь Господа в разных формах: и прямая, и косвенная. Прямая только в начале и конце описанной ситуации. Из двух повелений – создать церковь и назвать церковь – первое передано косвенной речью, второе – прямой. Нам представляется, что здесь важна не столько рекомендация именованья, сколько самоописание Троицей ее триединства.

Последняя фраза в житии (СС) не ограничивается паузой как в (ИИ), а дается одной репликой, тем самым выравнивается значимость объяснения способа наименования церкви со значимостью последнего утверждения, названного нами завещанием.

Существенным отличием от первого писания в (ИИ) значительно меньшая доля информации о состоянии и действиях Преподобного. Вместе с тем обращает на себя внимание симметрия и параллелизм, которые обеспечиваются глаголами. Приведем глаголы, описывающие последовательность действий Преподобного: *молился, увидел, пал, поклонился, получил, пал, спросил, увидел*. Первое действие – *молился* – за пределами собственно ситуации чуда. Глаголы *увидел*, ограничивающие и обрамляющие ситуацию, указывают на две визуальные фазы чуда: *Трех Мужей* и *Господа*. Между этими действиями две параллельные последовательности: *пал – поклонился* и *пал – спросил*. Глаголу *получил*, который завершает первый ряд действий, во втором ряду очевидно соответствует действие, идентичное выражаемому глаголом *получил*, так как следует прямая речь Господа, повелевающего создать церковь. Последняя реплика Господа отличается от реплики, приведенной в (ИИ) только тем, что дана на русском языке.

4. Житие (МА) общим объемом 855 слов, включает описание рассматриваемого чуда объемом в 71 слово.

На 23 году поселения Преподобного в пустыни большой свет явился в его храмине и он увидел трех мужей, вошедших к нему. Они были одеты в светлые одежды и освещены славою небесною «паче солнца». Из уст их

святой услышал повеление: «Возлюбленный, якоже видиши в Трех Лицах Глаголющего с тобою, созижди церковь во имя Отца и Сына и Святого Духа, Единосушной Троицы... Аз же ти мир Мой оставляю и мир Мой подам ти».

Из всех обстоятельств явления Святой Троицы агиограф оставляет только относительное время: *На 23 году поселения* – без указания абсолютно даты; а также место: *в пустыни*. Слово *храмина*²⁴ в силу его семантики обеспечивает достаточный контраст *большому свету*, предшествующему появлению трех мужей.

Это описание принципиально отличается от предыдущих (ИИ) и (СС) тем, что в авторской речи есть описания только первоначального вида Троицы, и нет процесса осознания Преподобным божественности Собеседника. Объяснение происходит только в самой речи Господа. Надо заметить, что описание внешности отличается от описания в (ИИ) тем, что в нем преобладает метафорическая семантика: *освещены славою небесною «паче солнца»*.

Общение сокращено до одной реплики. Если в житии (ИИ) пять обращений Бога к святому, в житии (СС) – два обращения, в (МА) агиограф приводит одно, включающее только приказание.

По сравнению с исходным текстом снижена активность Свирского, как участника события. Это касается не только реплик, но и собственно действий. С этой стороны описание чуда в (МА) подробно описанию в (ДР) где вообще ни одним словом не показаны действия самого Преподобного в описываемой ситуации, но указана только перспектива его деятельности.

Относительно двух используемых языков заметим, что подобного рода текстах, рассчитанных на читателя так сказать «широкого круга», признак речи ясность конфликтует с сакральностью, монах Афанасий так же, как игумен Иродион, в первом рассматриваемом фрагменте (ИИ), использует старославянский язык для передачи речи Святой Троицы. Причем если в первой, прескриптивной, части обращение приведено на русском *Возлюбленный* (вм. *Возлюбленне*), и именование говорящего *глаголющего* (вм. *глаголюща*), то завершающая фраза дана без изменений, вероятно потому, что имеет, скорее, символический характер. Впрочем, неполнота старославянского текста компенсируется употреблением старославянизмов в самом авторском описании: *«паче солнца», уста, повеление*.

²⁴ Храмина – (Рим. 4:19; 2Пет. 2:13, 14) унижительное от «хоромы», то есть бедное жилище, земное тело человека (см. *Библия. Ветхий и Новый заветы*, Синодальный перевод, Библейская энциклопедия арх. Никифора, 1891. [Электронный ресурс], <http://dic.academic.ru/dic.nsf/biblerus/72372>, [вход: 15.12.2013].

Таким образом, описание чуда в житии (ИИ) наиболее объемное, все последующие значительно короче, при том что объем самих житий может быть идентичен: (ДР) и (СС). В процентном отношении близки объемы (ИИ) – 2% и (ДИ) – 1,8%, а также (СС) – 13% и (МА) – 8,3. Наибольший абсолютный объем – в (ИИ), наибольший относительный объем в (СС).

В житиях (ДР) и (СС) устраняется интрига повествования о чуде, во всех следующих за житием (ИИ) описаниях чуда существенно редуцируется описание действий, в том числе и речевых преподобного Александра Свирского, в наиболее кратком описании чуда в (ДР) реплики отсутствуют вообще. Наиболее «сохранной» репликой Господа является последняя, та, которая является цитатой из Евангелия. Если в (ИИ) создается определенная последовательность изменений видения и понимания Преподобным Собеседника как осознание им перехода от ипостасей к осознанию единства Бога, то в последующих житиях трансформация Троицы в единосущность излагается как само собой разумеющееся явление. Слова, выражающие наиболее заметный признак в описании внешности – свет, употребляются как в зрительном значении, для обозначения удивления Преподобного, так и в метафорическом, для обозначения божественности Собеседника.

Таким образом, проведенное сравнение описаний чуда в четырех житиях подтверждает мнение исследователей о том, что чудо является одним из наиболее вариативных содержательных компонентов жития, жанра, который в целом в значительной степени определяется канонами. Существенные отличия в содержании, композиции и словесном оформлении описания чуда явления Пресвятой Троицы преподобному Александру Свирскому, определяются ролью, которую отводил агиограф этому факту жизни Преподобного, также функциями чуда как компонента общего текста соответствующего жития и стилистикой этого жития в целом.